От победителя премий «Еврокон»//лучший дебют,
«Бегущая по волнам», «Книга года по версии Фантлаба»

КАРИНА ДЕМИНА

ПОЧТИ ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ ВОСТОК

Дикий, дикий запад

Карина Демина

Почти цивилизованный Восток

«Издательство АСТ»
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Почти цивилизованный Восток / К. Демина — «Издательство АСТ», 2023 — (Дикий, дикий запад)

ISBN 978-5-17-155648-8

Заговор раскрыт, злодей повержен, и мир, что характерно, уцелел. Вот только девушки продолжают пропадать, запретные ритуалы проводятся, а за закрытыми дверями одного весьма известного клуба вовсе творится нечто престранное. А стало быть, есть работа. Пусть даже на цивилизованном Востоке работать не принято. Особенно леди. Леди должна вести хозяйство и радовать мужа? Милисента попытается. Честно. А если что-то пойдет не так, то она не виновата.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155648-8

© Демина К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1, в которой барышня из приличной семьи находит приключение 6
Глава 2, в которой приключение барышни продолжается, а у самой молодой особы появляются некоторые сомнения в правильности выбранного пути 12
Глава 3, где случаются новые знакомства и встречи 16
Глава 4. О том, что силы духа порой недостаточно 21
Глава 5, в которой обстоятельства смущают 26
Глава 6, где речь заходит о родовых тайнах и прошлом, пусть и не совсем отдаленном 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Карина Демина
Почти цивилизованный Восток

© К. Демина, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023
Оформление – Марина Самойлова
Иллюстрация на обложке – Anne Svart

* * *

Глава 1, в которой барышня из приличной семьи находит приключение

Он был женат пять раз, а потому в ведьмах понимал куда больше иных храмовников.
Из жизни обывателя

– Дорогая. – Его губы коснулись ладони, и прикосновение обожгло даже сквозь перчатку. Кровь моментально прилила к щекам Эвы, а сердце заколотилось с такой силой, что стало страшно. – Все будет хорошо, дорогая… поверь мне.

Эва кивнула.

– Вот, выпей. – Человек, лучше которого в мире не существовало, поднес флягу. Три глотка.

Первый дался тяжелее всего. Содержимое фляги было густым и тягучим, а еще горьким и одновременно – приторно-сладким. Что-то чувствовалось в нем знакомое, напоминающее запахом содержимое хрустального графина маменьки.

Того самого, трогать который Эве запрещали строго-настрого.

А еще из фляги пахло травами. И запахи эти, и вкусы тревожили. Или дело не в них, а просто Эва уродилась такой вот тревожной?

Или… нет.

Это Происшествие сделало ее такой.

– Пей же. – Показалось, что в голосе Стефано проскользнули раздраженные нотки.

Конечно, показалось.

Он… он просто волнуется. В любой момент Эвы могут хватиться. И даже… даже с учетом того, что Энни обещала, даже клялась своей красотой, это еще ничего не значит. И надо спешить. А Эва опять не способна сделать даже ту малость, которая от нее зависит.

Всего-то…

Второй глоток. И ощущение липкой сладости во рту. Его хочется смыть водой. Но воды нет, а есть крепкие руки Стефано.

– Умница, девочка. Осталось немного. Сейчас ты уснешь. Очень крепко уснешь, – его голос теперь звучал мягко. Но флягу Стефано не убрал. – Давай еще. Пей, милая, пей…

Травы…

Чабрец, собранный на растущую луну. Безобидная травка, как полагают многие. И аптекари согласны. Сущая правда, между прочим. Полезная даже. И лихорадку лечит, и легочные хвори, а еще многое иное. Но это если обычный. Для Тори собирали иной чабрец, что появлялся на краю старого семейного погоста. Хрупкие лиловые веточки ломались в пальцах и норовили вовсе рассыпаться трухой.

Маменька тогда поджимала губы, и в этом снова виделся упрек.

Будто… будто Эва виновата в том, что случилось.

Голова закружилась.

– Ляг. – Стефано не отпускал ее. – Закрой глаза. Не сопротивляйся. Поверь, все будет хорошо.

Кажется, на Эву швырнули плащ.

У чабреца вкуса почти нет, только аромат. Некоторые мешают его с чаем, но маменька полагает, что это признак дурного вкуса. Чай если и можно с чем мешать, так это с молоком и лимоном. И то…

Мысли путались.

– Ну что она?

– Крепкая. – Голос Стефано теперь доносился словно издалека и сделался таким… таким… незнакомым. Из-за зелья. Могильный чабрец приносит облегчение при болях. И может снимать судороги. Особенно если смешать его с аконитовым соком. Но и аконит нужен непростой, болотный, черный. Он ядовит, а потому следует проявлять особую осторожность. И капли на коже хватит, чтобы сердце забилось быстрее.

И еще быстрее.

И…

– Других вон с глотка вело, а эта три сделала.

– Не многовато?

– В самый раз.

– Ну… не знаю… она вона, какая-то белая вся. Не окочурилась бы ненароком.

Шеи коснулись ледяные пальцы, потом они же ощупали руки.

– Много ты понимаешь. Это ведь девица из благородных. – В голосе Стефано прозвучала такая нежность, что Эва с трудом удержала улыбку.

Все будет хорошо.

Все обязательно будет хорошо.

Она ведь… она поступает дурно. Но маменька и тем паче отец никогда не дали бы согласия на брак. Пусть даже других желающих взять Эву в супруги и нет. Родители Стефано тоже будут против. Ему предназначали другую невесту, и хотя о помолвке еще не объявили, но ведь слово дано. Сама эта мысль заставляла душу гореть огнем. И Стефано тоже не радовался. Вот и предложил побег, а Эва все не соглашалась, не соглашалась, пока не представила, как будет жить дальше.

Одна.

Старая дева. И вечная сиделка при Тори, а она ведь не виновата! Она ведь действительно не виновата… И Эва решилась. Она оставила письмо. Энни передаст. Потом. Позже. Маменька, конечно, рассердится. И отец. Но поймут.

Обязательно.

Поймут и простят.

А потом Эва вернется домой. Обязательно вернется, пусть не сразу, но когда Стефано получит дядюшкин титул и она станет графиней… графиня Шербери, это ведь красиво… они и простят.

И обрадуются.

– Живая. – Пальцы убрались. – Просто Силы в ней прилично, хоть с виду и не скажешь, но камушек еще не ошибался. Видишь, как ярко горит? Стало быть, не просто одаренная, а с сильной искрой. Заказчик будет доволен.

Плащ накинули на лицо, и дышать стало неудобно.

А на плащ швырнули сено. И еще. И… так надо.

Для безопасности.

За Стефано тоже следят.

Странно, что мысли не исчезли. Обычно, когда Эва засыпала, она не видела снов, просто проваливалась в густую тягучую черноту. А тут такое ощущение странное. Тело вот она тоже ощущает. Все. И мизинец на левой ноге, натертый новыми ботиночками. И прыщ на пояснице, к которому горничная прикладывала корпию с касторовым маслом, но то не помогло.

Горничную жаль.

Она хорошая. И всегда Эву утешала. И даже как-то притащила ей булочку с кухни, хотя маменька строго-настрого запрещала Эве есть булочки. От них прыщи и появлялись, и ладно бы только на спине.

Нет.

На лице тоже.

Правда, сейчас лицо словно окаменело. И тело. Мысли плавали, и приходилось делать усилие, чтобы задержаться хоть на чем-то.

Брат уехал.

Вовремя. Он бы точно не допустил побега. И долго, нудно отчитывал бы Эву. А Стефано… нет, он хороший, а Бертрам просто не понимает, каково Эве.

Никто не понимает.

А Стефано понял и… и чудо, что он есть.

Эва потянулась к нему и поняла, что это происходит снова! Она не хотела, она… она боялась! Но теперь страх тоже был каким-то не таким.

Из-за трав.

Кладбищенская ромашка имеет особый вкус, правда, почему-то только Эва его ощущает. Может, права маменька, что дело не в ромашке, а в мнительности Эвы? И… и в том, что ромашку добавляли в вечерний отвар. Вместо чая.

Вот она и привыкла.

Под вкусом ромашки хорошо маскировать иные травы. Красную кровохлебку и ядовитый лютик, тот, который болотный.

Странная смесь, если разобраться.

Эва знала о свойствах… и поднялась.*Вышла* и увидела… себя, укрытую плащом. Не слишком чистую солому, местами и вовсе смешанную с каким-то мусором. Крышку, которую ставят на ящик. И сверху наваливают мешки. От мешков исходит дурной запах, который пробивается вниз, под крышку. И будь Эва в сознании, она бы точно лишилась чувств от этой непередаваемой вони.

Ящик зацепляют. И тянут.

Ставят на повозку к таким же ящикам. И Стефано деловито ходит вокруг.

Волнуется.

Хоть кто-то тревожится о ней, об Эве… и от радости вдруг стало легко-легко, настолько, что нить, соединяющая душу с телом, истончилась до крайности.

И Эва заставила себя успокоиться.

Надо… после Происшествия маменька строго-настрого запретила ей использовать Дар. И правильно. Ведь могло бы повториться. И… и вообще, к чему это?

Девушке из хорошей семьи надо думать о вещах действительно важных.

Например, о замужестве.

А не о путешествиях души вне тела.

– Не жалко ее? – поинтересовался кривой и поразительно некрасивый возница, забираясь на козлы. Он и двигался как-то боком, да и Эва видела темное облако, окружавшее этого человека.

Проклятье.

И давнее. Пусть даже несформированное, неоформленное и какое-то… какое-то не такое, будто сплетенное из разных… точно. Как интересно!

Эва впервые такое видит.

– Сама виновата, – пожал плечами Стефано и ловко забрался в фургон. Тот был грязен и невзрачен и ничем не отличался от прочих, заполонявших городок.

Вот возница цокнул языком, свистнул, и меланхоличная лошадь тронулась с места. Загрохотали колеса по мостовой, и ящики затрясло.

Будь она в сознании…

Стефано пополз куда-то вперед, где обнаружился закуток, отгороженный от основной части фургона доской. Места там было мало, но Стефано всегда отличался какой-то невероятной стройностью. И это его смущало. А Эве, наоборот, нравилось.

Виделось в этой субтильности и хрупкости нечто донельзя изысканное. Благородное. Как в книге, где сила не важна, а главное – красота души.

Ехали.

И ехали.

Долго. Она уже и заскучала. Верно, поэтому и решилась… ну еще потому, что возвращаться в тело не хотелось категорически. Ладно, когда оно просто спит, но сейчас-то тело лежит запертое в тесном ящике, а его окружают вонючие мешки.

…Но до чего ведь хорошо вышло!

Маменька с утра получила письмо, что брат возвращается. Правда, толком Эва не поняла, один ли, с невестою ли… и останется ли та невестой после возмутительного побега. Маменька, когда о нем узнала, чувств лишилась, а потом неделю вовсе в постели провела с мигренью и недомоганием. Правда, услышав, что Бертрам отправляется следом, как-то взяла и поправилась.

И даже потребовала оставить безумную идею, но…

Неважно.

Колеса перестали подпрыгивать, и лошадка прибавила шагу. Бедная. Ящики выглядели тяжелыми. А Эва всегда лошадей любила. Правда, те не отвечали взаимностью, но так что ж…

Главное, что маменька после отъезда Бертрама сделалась совсем невыносимою. А письмо получила и обрадовалась. И вовсе в городской дом отбыла, потому как его надлежало подготовить к возвращению брата. А еще с собой Камиллу прихватила, которая в ином разе точно заподозрила бы неладное. То ли дело Ниса. Ниса Эву любила и жалела.

И отпускала на вечера к Энн.

Что…

Все-таки чем так воняет-то?

А Стефано, изогнувшись совершенно невообразимым образом, разделся. И костюм сложил бережно. А потом облачился в какие-то обноски. Вытащив из груды соломы ящик, извлек оттуда флакон и тряпицу. И, смочив ее, принялся тереть лицо.

Зачем?

Эва открыла рот. Белая кожа вдруг потемнела, будто… будто Стефано загорал. Вот он коснулся пальцами глаз и вытащил оттуда что-то, отчего глаза из ярко-голубых, завороживших когда-то чистотой и цветом, сделались коричневыми.

А его волосы… он потер их полотенцем, и светлые кудри обрели черный цвет.

Это… это не Стефано!

Это кто-то совершенно незнакомый!

Повернувшись на бок, незнакомец зевнул. И пробормотал что-то, погружаясь в дремоту, а что, Эва не разобрала. И… и запах ему не мешает, и само это место. А в качестве подушки он использовал камзол из зеленого бархата.

Но… но разве так можно?

Эва растерялась.

И… и вспомнились вдруг разом истории.

Нет, это… это не может быть правдой.

Эти истории рассказывают всем барышням. О коварных соблазнителях, о… но Стефано не пытался соблазнять! Нет! Его поведение всегда отличалось похвальной сдержанностью. Энни даже, признаться, сомневалась, влюблен ли он. Она читала в одной книге, в той, которые нельзя читать благопристойным девицам, но горничная книгу принесла за три серебряных, так вот, там мужчина всегда жаждал от возлюбленной поцелуев.

А Стефано – он даже руку держал бережно, будто та… хрупкая. Хотя Эва никогда себя хрупкой не считала. Маменьку это очень расстраивало. Она все пыталась повлиять и даже запретила есть что-либо кроме овсянки, но тут уж, слава богу, отец вмешался.

Не сразу.

Когда Эва в обморок упала и потом еще слегла с простудою, а целитель долго, муторно что-то такое говорил, а что именно, Эва не помнит. Но главное, с тех пор на столе кроме овсянки появились иные блюда.

Она сглотнула. Есть хотелось. С утра в рот ни крошки не лезло, а теперь вот захотелось.

А Стефано… просто… просто он тоже маскируется!

Конечно!

Его ведь станут искать. И… и когда мама узнает, и его родичи, само собой. Он ведь наследник… он… постарался сделать так, что никто теперь не признает в этом странном страшном оборванце утонченного Стефано.

Эве даже задышалось легче.

Выдумала.

Опять она…

Но мысли не отпускали. Почему тогда Стефано не рассказал о смене облика? Почему не предупредил? Она-то, проснувшись, могла бы испугаться.

Эва потрясла головой, и от этого движения ее повело в сторону.

Потянуло.

И…

И она когда-то путешествовала. С маменькой. В маменькином же экипаже, который был куда комфортнее старого фургона. Правда, родительница не разрешала выглядывать в окно; и вообще, нужно было молиться всю дорогу. Может, поэтому Эва и не запомнила этой дороги.

А тут…

Поля.

Огромные. И деревья. Тоже огромные. Невысокие ограды, сложенные из валунов. Ощущение пространства, такой вот незнакомой безумной свободы, когда хочется взмахнуть призрачными руками-крыльями и взлететь.

Нельзя.

Слишком опасно.

Улететь легко. Вернуться сложнее. И Эва сумела удержаться. Она всегда отличалась благоразумием. Правда, маменька почему-то не верила… неважно.

Главное, она удержалась.

И*зацепилась*, если можно так сказать. Она сидела рядом с человеком, который держал в руках поводья. Поводья были старыми. Руки в грязных перчатках с обрезанными пальцами – некрасивыми. Сам человек тоже. Где только Стефано его отыскал?

Впрочем, какая разница.

Главное, человек этот был готов помочь барышне, что оказалась в затруднительном положении. И Стефано, конечно. Лишь бы денег хватило… нехорошо. Деньги пришлось взять из маменькиного секретера, те, что она оставляла на хозяйство. Но Эва потом вернет. Когда Стефано получит титул и маменька… она может, в конце концов, забрать долг из приданого Эвы.

Жаль, что само приданое – не золотые монеты в шкатулке. То есть оно, конечно, деньги, но лежит в банке. И управляющий Эве его не выдаст.

И даже мужу ее не выдаст, потому что дедушка так придумал.

Все они…

В какой-то момент просто сидеть и смотреть стало скучно. А ничего другого Эва не умела. После Происшествия ей строго-настрого запретили обращаться к Дару.

И даже надели серебряный медальон.

Но Стефано его снял. Да… побег – это дорого. И им все-таки придется на что-то жить. Недолго. Ведь дядюшка Стефано стар и болен, и… но Эва вернет.

Все до последнего пенни.

И правильно она поступила. Правильно…

Глава 2, в которой приключение барышни продолжается, а у самой молодой особы появляются некоторые сомнения в правильности выбранного пути

Повозка останавливалась дважды. В первый раз она свернула с дороги, чтобы задержаться на какой-то ферме. Эва с удивлением разглядывала грязные дома, меж которых бродили тощие свиньи и неряшливо одетые люди. Здесь Стефано встретили как доброго знакомого.

Заросший черной бородой тип похлопал Стефано по спине, и они ушли в дом. А из повозки стали вытаскивать ящики. Обычные. Тот, в котором лежала Эва, не трогали. Только крышку подняли и человек, не Стефано и не кучер, другой, совершенно отвратительного виду, долго Эву разглядывал. И даже руки к ней потянул, что было невероятно омерзительно!

Эва едва не умерла от ужаса.

Но появился Стефано.

– Грабли убрал, – сказал он довольно грубо. – Не про тебя.

– Тю… не больно-то и хотелось. – Тот, третий, выглядел бледным и каким-то больным. Лицо его, испещренное мелкими шрамами, которые остаются от оспы, вызывало отвращение, как и редкие сальные волосы. – Но может, того… я заплачу…

Стефано молча ударил.

И Эве даже задышалось легче. Хотя, конечно, благородный человек не станет пинать другого человека, выговаривая при этом совершенно неприличные слова.

Эва точно не знала значения, но была уверена: неприличные.

Так выражался папенькин конюх, когда пребывал в состоянии душевного расстройства. А Эва как-то подслушала. Не специально. Просто… просто пряталась.

Вот и…

– Еще раз полезешь… – Стефано поднял наглеца за горло и тряхнул хорошенько. Тот висел в руках Стефано тряпкой. – Я тебе грабли так переломаю, что до конца своей жалкой жизни шевелить не сможешь. Ясно?

– Ты… – Человек булькнул что-то.

– Годе. – Вновь появился чернобородый. – Ты, Эндрю, что-то больно суров.

– Я на эту идиотку несколько месяцев угробил. – Стефано уронил того отвратительного типа и плюнул на него.

Про кого он?

– Не хватало теперь, чтобы какой-то придурок товар попортил.

– Он не полезет. Клай, приглянь.

– Погодь, надо ее переодеть. – Стефано запрыгнул и склонился над ящиком. Он прижал пальцы к шее, и в этом прикосновении не было и тени нежности.

Почему-то стало страшно.

Очень-очень страшно.

– Я Майку кликну. Подберет чего от девок. А она того… не того, часом?

– Живая. Но сейчас…

Ее приподняли, и к губам прижалась та самая, уже знакомая фляга.

– Сильная. Еще очнется до сроку, кричать станет, – пояснил Стефано. – А так… ты весточку отправил?

– Еще когда. Обижаешь.

И снова ушли. Зато появилась женщина. Узкая. Бледная. Уродливая, как все в этом месте. За нею шел огромный мужчина, правда, двигался он медленно и выражение лица имел такое, что Эва сразу поняла: убогий.

Но ее на руки подхватил легко.

И понес за женщиной.

То, что происходило дальше, заставило Эву возмущенно открывать рот. И закрывать. И снова открывать, только вместо крика выходил сдавленный писк, который слышал лишь черный толстый кот. Да и тот только хвостом дернул, мол, чего разоралась?

Ее раздели.

Женщины. Слава богам, женщины! Но полностью. И одна, выряженная совершенно непотребным образом, долго щупала нижние юбки и языком цокала.

– Положь, – велела та, первая. – Не про тебя.

– А и чего? – Женщина подняла юбку. – Ишь, тоненька кака! Мяконька…

И щекой потерлась, оставляя на ткани следы пудры и румян. Отвратительно! Как они смеют…

– И сама она… – вздохнула женщина. – Хорошенькая… жалко ее.

На Эву натянули жесткую рубашку и платье из грубой ткани того неопределенного цвета, который случается после долгого ношения и многих стирок. У них в доме и прачки-то опрятнее выглядели.

– Вот смотрю и думаю… что ж мы бабы-то за дуры такие? Что ж нам дома-то не сидится?

– Еще поплачь, – фыркнула некрасивая женщина, отвесив другой, размалеванной, затрещину.

– Да ну… вот ведь я тоже, может быть… жила у батюшки с матушкою, росла, горя не ведала, – затянула размалеванная, да со всхлипами и подвываниями. – И жениха мне нашли выгодного, да я ж дура-то, счастия своего не уразумела… нехорош показался. Старый. Кривой. А пошла бы и сейчас, небось, давно б схоронила… жила б себе пресчастливо честною вдовою. У него вона, своя пекарня имелася.

И замолчала.

– Дуры или нет, – сухо произнесла та, первая, – но то не нашего ума дело. Ясно?

Эве ясно ничего не было.

Но кто ее спрашивал?

Тело снова вернули в ящик, а тот перекинули на другую телегу, еще более невзрачную, чем первая. На козлы сел сам Стефано, причем вид у него стал совсем чужой. И лицо будто морщины прорезали. И щеку налево перекосило, а рот перекривился.

Из ниоткуда шрам возник.

Не было у Стефано шрамов! Не было!

И седины, что пробилась в черноте волос, тоже не было! Он… он решил, что той, первой маскировки недостаточно? Боится, что кто-то может… мог бы…

Хотелось верить.

И не получалось.

Почему-то.

Эва зацепилась за тело и заставила себя вернуться. Нельзя надолго уходить, но… травы… теперь она чувствовала яд, что сковал ее. И удивлялась тому, как сразу не поняла.

Капля сока змеекровки.

Редкая трава. Невзрачная. И растет лишь на змеиных лугах, там, где гадюки греются. Она и вырастает от змеиного яду, оброненного на землю. Людям простым с той травы одна беда. Попадет стебелек махонький в сено, и вся отара потравится. А если уж человека попотчевать…

Откуда у Стефано змеекровка?

И знает ли он вообще о ее свойствах?

Эва и сама знала мало. Только… только что можно составить зелье, которое замедлит сердце и дыхание почти остановит. И человек будет казаться мертвым.

Нет, нет, нет…

Или…

Конечно, маменька ведь, когда узнает, к отцу бросится. А у того друзья. И искать Эву станут заклятьями. А заклятья покажут, что она… мертва?

Ужас какой!

Или… или все еще страшнее?

Ее ведь будут искать не день и не два. И что? Все это время ее будут держать сонной? Но нельзя! Змеекровка ядовита. И в теле она задерживается надолго. И… и так на самом деле недолго убить.

Зато понятно, почему это снова произошло.

Непонятно только, что Эве делать.

К городу прибыли на следующий день.

Ночь Эва провела в том же ящике, а Стефано – в невзрачном, грязном домишке, что прятался среди прочих. То ли это деревня, то ли уже пригород, Эва не знала. У нее получилось удлинить нить, что привязывала ее к телу.

Не сразу.

Но ей… ей нужно было услышать!

Очень.

И нить поддалась. Правда, истончилась опасно, но Эва ведь недолго.

– Вот, стало быть, как… – хмуро произнес Стефано. Он сидел в комнатушке, где едва-едва уместились кривоногий стол и пара стульев. На столе стояли кувшины, лежал разломанный хлеб и куски какого-то мяса. Прямо в лужах жира. – Твою ж… и давно?

– Вот только весточку получил. – Его собеседник с лицом отпетого негодяя – в книгах любви всегда мешают отпетые негодяи, уродливые с виду, и в душе тоже, – жевал хлеб. Задумчиво так. И чистил ногти острием длинного и столь же уродливого ножа. – Знающий человек настоятельно рекомендовал залечь на дно.

– Что он…

– Не перебивай, – жестко сказал тот, с ножом. – И послушай. Заказчик помер? Это не наша с тобой проблема. Другое дело, что помер он не тихо. Многое дерьмо всплыло. И как понимаешь, разные люди начнут задавать разные вопросы.

Это… это какие?

– И многие… в свете последних событий пересмотрят свое отношение к случившемуся.

А речь у него правильная. Даже Стефано иногда… оговаривается. Но ему простительно. Он ведь рос в бедной семье, это уже потом дядюшка понял, что ему наследник нужен.

Или это тоже ложь?

Нет никакого дядюшки, который вот-вот должен уйти, оставив наследство и титул бедному Стефано? И самого Стефано, того хрупкого, слегка застенчивого, так легко краснеющего, тоже нет?

А… кто есть?

На самом деле?

– Твою… – То, что произнес Стефано, Эва вряд ли сумела бы повторить. – И что теперь?

– Теперь… я бы советовал убраться куда-нибудь подальше. Скажем, вот в Старом Свете, говорят, неплохо устроиться можно. Если с деньгами.

– С деньгами везде можно.

– Что, уже проигрался?

– Не везло.

– Дурак ты, – покачал головой человек. – Ладно… девка твоя что?

– Да спит. Что с ней делать-то?

– Ну… я бы посоветовал избавиться. Она тебя видела.

И не только его! Эва стиснула кулачки. Ее разрывало от гнева. И обиды. Как так! Она ведь… она ведь его любила! По-настоящему!

Так, как только можно любить человека! Чтобы с первого взгляда и до последнего вздоха.

– Жалко…

– По-настоящему жалко станет, когда ее родичи тебя отыщут.

– А если… она ведь спит. И верит. – Мужчина, которому Эва и вправду верила, почти как себе и даже больше, задумался. – Можно ведь… до храма, а там обвенчают.

– И?

– И назад. Небось, поорут да успокоятся. Примут. Куда им деваться-то? Заживу…

– Хорошо, правда, недолго. Как думаешь, что ее папенька-некромант с тобой сотворит, когда поймет, кто ты?

– Она… меня любит.

– Во-первых, бабская любовь – что цвет весенний. Сегодня есть, а завтра облетела вся. Во-вторых, любить она может хоть до изнеможения. Думаешь, поможет? Отправят куда-нибудь на воды здоровье поправлять, а с тобой несчастный случай произойдет. И никто не удивится.

Стефано выругался.

А Эва едва не лопнула от злости. Вовсе отец не такой! Да, он бы рассердился. Безусловно. Но… но убивать не стал бы! Он глубоко порядочный человек, а не как эти! Честный и очень-очень добрый.

А что некромант, так ведь… у всех бывают недостатки.

– Избавляйся, – жестко добавил человек, имени которого Эва так и не услышала. – Сейчас, пока ее не хватились. Пока искать не начали. Избавляйся и беги.

Стало страшно.

По-настоящему.

И Эва заплакала. Оказывается, души тоже умеют плакать.

– И это… не тяни.

– В городе, – решился тот, кого она знала под именем Стефано. – Ты прав, но… в общем, деньги нужны.

– Смотри сам.

– А ты…

– Я с этим делом завязал. Так что ни тебя, ни этой вот твоей… невесты я видеть не видывал, знать не знаю. Понятно? И завтра тут меня не будет. Вообще не будет… а ты все же поаккуратнее. Слышишь?

Стефано кивнул.

Нет. Надо забыть это имя. Надо… надо что-то делать! Что-то такое, чтобы… чтобы спастись! О боги, какой наивной она была! Какой глупой! А ведь предупреждали! И нянюшка, и маменька, и нанятая ею гувернантка! Компаньонка, уж на что стара и ничего в жизни не понимает, но и та множество историй знала о неосторожных девушках, которые сбегали из дому. И жизнь свою разрушали.

И морально падали.

Правда, тут Эва так не понимала, куда именно они падали и почему. Но теперь, кажется, ей предоставится случай узнать все самой.

Она не хочет!

Она… она должна бежать! Но как сбежать, когда ее душа привязана к телу, а тело… тело спит. В ящике. Укрытое под двойным дном, засыпанное соломой.

Недоступное для поиска.

И… и искать-то не сразу начнут.

– Помогите! – Ее крик растворился в тишине. – Кто-нибудь… пожалуйста! Помогите!

Мир не услышал.

Глава 3, где случаются новые знакомства и встречи

– Дорогой, о чем ты только думал! – Нервный голос свекрови доносился из-за двери, благо притворили ее неплотно, а потому я получила чудесную возможность слышать каждое слово.

Нет, если бы я осталась в гостиной…

С чаем.

С дорогой сестрицей Чарльза, что по-прежнему притворялась болезной, но эта болезность не мешала ей сверлить меня ненавидящим взглядом.

Чай остался на столике, родственницу я перепоручила сунувшейся было служанке – мол, не видите, бедняге дурно, надо поскорее ее упокоить, в смысле окружить покоем и заботой. И когда «молодую хозяйку» уволокли, я в коридор и выглянула. Ну а дальше просто.

Иди на крик, и не ошибешься.

Хорошо, что матушка в гостиницу отправилась. Чарли предлагал ей тут погостить, но вот как чуяла, что это он зря. Гостям здесь не обрадовались.

Особенно одной.

И Эдди с матушкой ушел. Правильно. У меня-то муж имеется, который должен обо мне заботу проявлять, а матушка одна. Вот только сейчас мне отчаянно хотелось оказаться там, в этой пока неизвестной гостинице.

А лучше дома.

Пускай тот и старый, и в ремонте нуждается, скрипит и вздыхает, но там… там я своя. А тут? Я пощупала рукав платья. Жесткий. И… и выглядит оно так, что даже служанки смотрят с жалостью.

И брезгливостью.

– У тебя были такие перспективы! – Голос звенел, вызывая глухое раздражение.

Перспективы у него, стало быть.

А я ведь… я ведь говорила! И про перспективы тоже.

– Его императорское величество весьма благосклонно отнесся к моим предложениям…

– Мне жаль, – сухо ответил Чарльз.

– Жаль… Боже! Кто еще об этом знает? И знают ли… возможно, получится решить вопрос. Если вы не венчались в храме, то брак можно будет признать недействительным на основании…

Сердце болезненно сжалось.

– Нет.

– Чарли!

– Мама, пожалуйста, послушай меня. Я понимаю, что тебе кажется, будто ты лучше знаешь, как мне жить. И что делать. И на ком жениться. Но это не так. Я уже не мальчик.

– Чарли… – Теперь я едва расслышала.

– Я сделал свой выбор.

Сердце вновь застучало. И радостно так.

– Милисента – удивительная женщина. Я таких не встречал.

Еще более радостно.

– Она умная. Открытая. Честная.

– Боги… ты все-таки влюбился!

– Это плохо?

– Нет, нет, но… любовь мешает мыслить здраво. Кроме того, дорогой, она проходит. Сегодня ты восхищен настолько, что в упор не видишь недостатков. А завтра? Что будет завтра?

– Мы уедем.

– Что?! – А теперь я поняла, что уехать будет не так и просто. – К-куда?

– В Город Мастеров.

– Куда?! – с еще большим изумлением повторила маменька Чарльза. – Какой такой город?

Мне показалось, что она едва сдерживается, чтобы не добавить пару слов покрепче.

– Знаешь, почему-то я думаю, что тебе бы там понравилось.

Вот в этом я сильно усомнилась.

– Интересное место. Очень. И с перспективами. Тебе ведь нужны перспективы?

– Тебе тут перспектив мало?!

– Мама!

– Чарли! Просто выслушай… ты уехал, никому ничего не сказав! А теперь вернулся.

– Извини.

– Нет, я не то хотела сказать. Я очень рада… просто безумно рада, что ты вернулся. Я так боялась, так волновалась! Едва не слегла…

И снова я не поверила. Пусть маменька Чарли выглядит хрупкой, как и подобает истинной леди с Востока, но стальная струна тоже тонкой кажется. А поди-ка разорви.

– Сначала один ребенок, потом второй… – Теперь ее голос сделался плаксивым. А в коридоре показался мрачный человек в ливрее. Он выразительно нахмурился, явно намекая, что благовоспитанные леди не подслушивают.

Так то леди.

И я показала человеку кулак. А потом, для надежности, и револьвер, который взяла с собой. Тот и убрался. Понимающий.

– И когда я получила письмо… а потом меня пригласил его императорское величество… – Это было сказано с придыханием. – И сообщил, что ты возвращаешься. И не просто… тебя представят к ордену. Или к медали? Я так и не поняла толком, но совершенно точно наградят! Ты можешь войти в Совет, особенно теперь, когда мой отец… скоропостижно скончался.

Ага. Скоропостижней некуда.

Помню.

– Там какие-то еще проблемы возникли… Император намекнул, что, если ты заявишь права на наследство, он поддержит.

– Нет.

– Чарльз! Ты стал таким… непримиримым.

И это не похвала. Ну, если тону верить.

– Мама, ничего хорошего там не будет. Если я впрягусь в дележку наследства, я в ней погрязну. Да и тебе мало, что ли?

– Я думаю о будущем!

– Я тоже. И поверь, будущее без этих дрязг видится мне куда более радужным.

– Но все-таки… твоя жена… она… как бы это сказать…

Прямо.

Не нравлюсь.

Категорически. И… и не понравлюсь.

– Несколько отличается… от прочих девушек. Я не сомневаюсь, что она… весьма достойная особа.

У меня челюсти свело от нехороших предчувствий. Гадости говорить будут. Такие вот… гадостные, но щедро приправленные вроде бы как заботой.

– Но в обществе ей будет сложно.

– Понимаю. И надеюсь, что ты поможешь Милисенте.

– Несомненно.

Ага… обещала лиса за курятником приглядывать.

– И все же… Возможно, стоит поискать варианты.

– Нет, мама. – Я даже представила, как Чарли головой качает. Устало. И упрямо. – Никаких вариантов. Даже если бы мне в голову подобная мысль взбрела, то… не выйдет. Этот брак заключен не на словах.

Я вспомнила Силу. И храм. И… все сразу.

– Ты… ты решился на обряд?!

– Скорее уж, так получилось.

– Чарли, ты же понимаешь… Боже, как я устала… это не отменить! Хотя, конечно, не обязательно ставить в известность общество. Просто не поймут. Да, совершенно не обязательно. У нас есть поместье за городом. И твоей сестре в ее положении полезен свежий воздух. А твоя супруга получит время… привыкнуть. Я найму учителей.

– Неплохо бы. Я уже отписал Фарману.

– Фарману?!

– Он отличный маг.

– Да, знаю, но… зачем?

– Милисенте нужно работать над контролем. Да и в принципе не мешало бы внимание уделить. У нее очень яркий Дар.

– Дар? Еще и Дар… Это многое объясняет. Огонь?

– Именно.

– И если передастся детям, а после обряда иного быть не может… роду это пойдет на пользу.

Так просто? Она узнала про мой Дар и резко подобрела? Что-то вот сомневаюсь. Крепко. Скорее уж поняла, что спорить с Чарли – дело бесполезное. И тогда… тогда надо готовиться.

Знать бы еще, к чему.

– …Фарман – это несколько чересчур. Боевик. И слухи пойдут… Боже, они и так пойдут, а если еще и Фарман… нет, нужен кто-то более… более нейтральный. В конце концов, есть же ограничители.

Вот сама их пускай и таскает.

– Ты знаешь, это небезопасно для здоровья.

– У этой девицы столько здоровья, что на нас всех хватит, – не сдержалась свекровь. А я подумала, что спать буду с револьвером.

И подарочек одной темнокожей сиу далеко убирать не стану.

Не то чтобы я и вправду собираюсь, но вот… перспективы, они ведь разными бывают.

– Нет.

– Ладно… но контроля хватит. Ты же не собираешься отправлять ее на… куда там? Не знаю, главное, ей ни к чему боевые заклятья. Это, в конце концов, опасно!

Вот чую, придется мне самой учиться. Главное, Чарли молчит. И маменька его знает куда лучше, чем я. Плохо… все очень и очень плохо.

Не надо было вовсе сюда соваться.

Что мешало в городе остаться?

– И в поместье ей будет удобнее. Наймем кого-нибудь присматривать… скажем обществу, что у девушки адаптация. А там, глядишь, беременность наступит, и будет не до выездов.

– Мама, мне кажется, ты несколько спешишь.

– Наоборот, Чарли. Это ты поспешил. А я лишь пытаюсь как-то все это… успокоить. Нам ведь не нужны досужие разговоры. И о сестре подумай. Эти сплетни сильно ранят ее. Ей тоже необходим покой.

Я отступила.

И… что делать? Бежать? От чего? Ничего ведь не случилось. Да и вовсе… запереть меня в поместье? Она и вправду думает, что я там засяду и сидеть буду, вся такая послушная?

А Чарли?

Станет наезжать да детишек делать, род укрепляя?

Хрена с два!

Я им не нежная восточная барышня и… и мне есть куда вернуться. Эдди, он ведь примет. И защитит. Только вот горько отчего-то, что я только-только приехала и уже всерьез раздумываю, как буду защищаться. И от кого?

От человека, которого люблю?

А чай остыл.

Поганый у них тут чай. Слабенький. И травой пахнет.

Сидела я не сказать чтобы долго. В гостиной появился Чарли, изо всех сил пытавшийся казаться радостным. Но то ли я понимала, что радоваться ему не с чего, то ли у самой настрой был мерзкий, то ли изучить успела.

– Может, тоже в гостиницу? – предложила я, отставив чашку с нетронутым чаем.

А к нему даже куска хлеба не предложили.

Тоже мне, цивилизованные люди.

Чарли вздохнул и покачал головой:

– Слухи пойдут.

– И? – Вот с чего все так слухов боятся? Ну, пойдут. Ну и пускай себе идут. Мне-то с них что?

– Это репутация. Не только моя, но и рода, и наших детей. Возникнут вопросы. Сомнения.

А то так они не возникнут. Но ничего, молчу. Пялюсь в чай. А есть охота… тут вообще кормят? Небось, при гостинице ресторация имеется. Или хотя бы выйти можно, поискать какую таверну, чтоб не совсем дыра.

– Маменька завтра уедет, – спокойно сказал Чарли.

– А я?

– Подслушивала?

Я пожала плечами. С чего отрицать очевидное.

– Дурная привычка, – покачал головой Чарльз, но как-то так, без раздражения, скорее с усталой обреченностью.

– Зато полезная.

А то бы сейчас дальше сидела наивною дурой, ожидая, когда ж меня в семью примут. Теперь-то точно знаю, что не примут. Даже если наизнанку вывернусь и чешуей покроюсь. Стоило про чешую подумать… нет, нет, только драконьего обличья мне и не хватало.

– Маменька – женщина сложная. В свое время она… нашла в себе силы пойти против воли отца. И из семьи ушла.

Знаю.

– И так уж получилось, что весьма долгое время ей пришлось самой заниматься. Домом. Детьми. Делами.

– А твой отец?

– Он служил.

За тридевять земель? Хотя чего это я… мой папаша вон тоже был таким, что лучше б вовсе его не было. И мамина судьба, если подумать…

– Она хорошая, умная женщина. Но привыкла управлять. Семьей, делами…

– Тобой.

– И мной. Ей нужно будет время, чтобы принять изменения.

Или изменить их под себя. Но опять же, пытаюсь быть мудрой, как мама велела, и помалкиваю. Слушаю вот.

– Она устроит Августу и вернется, чтобы помочь тебе.

– Как-нибудь…

– Не спеши. Может, она и не слишком рада, но когда речь заходит о семье, она сделает все возможное, чтобы тебя приняли в свете. И подскажет.

Он и вправду такой наивный?

– Тебе ведь нужен гардероб, а я понятия не имею, что сейчас носят. И еще знакомства. Визиты. Ты не можешь ходить одна.

– А с тобой?

– Боюсь, мне еще предстоит держать отчет перед императором. И не только. Все-таки дело это… – Чарльз покачал головой. – Слишком…

– Гнилое?

– Многих затронуло. Сколько отсюда было вывезено девушек? И каких? Возможно, кого-то ищут. Случались ведь скандалы, и будут обиженные родственники, особенно когда узнают, что имело место воздействие.

И эти самые родственники захотят получить головы воздействовавших. А главное, на Змееныша все не свалишь.

Змееныш не успел бы везде.

И стало быть, есть кто-то, кто девушек искал.

Выбирал.

Перевозил.

Не так-то это и просто.

– Я маму могу попросить. – Все равно мысль о том, что придется тесно общаться с дорогой свекровью совершенно не радовала. – Она с гардеробом поможет.

– Вряд ли. Прости, не хочу никого обидеть, но твоя матушка слишком долго прожила на краю мира. И вряд ли в курсе последних… как это… модных тенденций.

Ну и хрен ли с них?

– Да и ей тоже надо бы собой заняться.

– Эдди…

– Милли. – Чарльз глянул с упреком. – Еще немного, и я решу, что ты боишься.

Я?!

Боюсь?!

Да нисколько! У меня револьвер есть. И две дюжины ядов сложного состава. Мне ли бояться… нет, не боюсь. Так. Слегка опасаюсь.

Свекровь все-таки.

– Вот и славно. – Чарли коснулся губами моей щеки. – Все будет хорошо.

Мужчина. Да что он в женщинах понимает!

Глава 4. О том, что силы духа порой недостаточно

Эва думала.

Теперь она сумела подняться над фургоном, и ей приходилось следовать за ним. Впрочем, это получалось совершенно без усилий. Наверное, даже если бы она пожелала остаться, у нее бы не вышло. Но она не желала.

Она думала.

Сперва старательно представляла, как возвращается в тело, а вернувшись-таки – получилось далеко не сразу, что доставило немало неприятных минут, – поняла, что в теле еще хуже. Она чувствовала яд внутри, и вкус трав, и то, что тело пусть и онемевшее, но все же болит. Оно живое. Оно устало лежать в ящике. И перепачкалось. А еще, кажется, справило нужду, и теперь солома промокла. И одежда промокла. И… и даже если кто-то вдруг остановит и досмотрит фургон, найдет ящик, а в нем Эву, то примет ее за бродяжку.

Или вовсе безумицу.

А фургон трясся. Здесь, в городе, дороги мостили крупными камнями, и колеса перескакивали с одного на другой, а еще порой попадали в ямы, и тогда повозка вздрагивала, скрипела и кренилась то влево, то вправо.

Здесь дурно пахло.

И дым, поднимаясь из высоченных труб, смешивался с другим. Черный с желтым, а тот – с зеленым. И все эти рукотворные туманы стекали обратно на грязные улицы.

Вот исчезла мостовая.

А с нею и дома относительно приличного вида. Они сменились какими-то жуткими наскоро сколоченными хибарами. Местами их укрывали куски драных одеял. Кое-где горели костры, добавляя дыма. Когда же дорога свернула к реке, то Эва вновь едва не задохнулась от зловония.

Воду покрывала маслянистая пленка, а у берега, в грязных зарослях, стояли куски желтой пены. То тут, то там поднимались пузыри.

Люди… люди здесь были так себе.

Ужасные! Эва и представить себе не могла, что люди могут выглядеть настолько… отвратительно! Она, конечно, слышала про бедняков и даже с маменькой ходила в храм, а еще по домам, где оставляла отрезы ткани и пряники. Но те знакомые ей бедняки были все же какими-то… ухоженными, что ли? У них не было уродливых изрытых оспою лиц, на которых порой отсутствовал нос, а то и вовсе кожу пробивали язвы. Они не воняли. Не чесались.

А эти…

Они существовали, как весь этот грязный убогий мир, который… что он сделает с Эвой? Кажется, именно тогда она и позвала на помощь снова. Громко-громко. Даже лошадь, тащившая повозку, шарахнулась, и Стефано – все-таки Эва привыкла звать его именно так – едва не свалился с козел.

– Твою ж! – крикнул он и щелкнул кнутом над конским ухом.

А Эву не услышал.

Повозка остановилась возле дома, который выделялся средь прочих. Он был каменным и в два этажа. И, верно, когда-то даже мог считаться красивым. Правда, своеобразно красивым. Толстые колонны поддерживали остатки портика. Мраморные ступени заросли грязью, а от балюстрады сохранилась едва ли половина. Обвалился балкон. И кусты, посаженные у лестницы, разрослись так, что закрывали узкие окна. На тех же, что оставались незакрытыми, виднелись решетки.

Место Эве не понравилось.

Категорически.

Но Стефано свистнул и, сунув поводья грязному мальчишке, что вынырнул из кустов, велел:

– Жди. Вздумаешь стащить чего… – и кулак сунул под нос.

Сам же поднялся по остаткам ступеней и пнул дверь.

Открыли не сразу. Эва попробовала было сунуться следом, однако к ужасу своему обнаружила, что дом этот укрыт.

Стеной?

Куполом?

Полупрозрачным, но совершенно непроницаемым для нее.

Что это? Или… Конечно… защита! От духов? Нет, к чему. Скорее всего, просто. Обыкновенная. А Эва… Эва ослабела. И ей в тело надо, но чтобы то очнулось.

А еще…

Из кустов выбрались дети, закутанные в тряпье, пропитавшееся здешней вонью. Один нырнул в фургон, второй – под него. И тот, что внутри, поспешно обшарил фургон, но ничего, кроме ящика, не нашел. Правда, крышку попытался поднять.

– Заколочено!

– Тогда тикай, ща вернется! – донеслось снаружи, и мальчишка исчез. А Эва все-таки расплакалась. От обиды и жалости к себе.

Сколько дней прошло?

Ее уже должны хватиться… или нет? Маменька ведь отбыла встречать брата. А отец и подавно там, в столице сидит, делами занимается. Он и когда случалось заглядывать в поместье, на Эву не больно обращал внимание. И теперь… или заметят?

Маменьке доложат, что она не вернулась.

Вестника отправят?

Или письмом? Но пока гонец доберется до города… до маменьки… Да еще и письмо это, в котором Эва просит ее не искать. А если поверят? Если и вправду искать не станут? Что тогда?

Она… она умрет? Вот просто так возьмет и умрет?

Насовсем?!

Из дома показался Стефано с двумя мрачного вида типами. У одного и клеймо на щеке имелось. Эва, если бы могла, упала бы в обморок. Но поскольку духи в обморок не падают, она со всею возможной поспешностью спряталась в теле.

Ящик стащили.

И понесли.

Не слишком, к слову, бережно. Тело внутри перекатывалось и ударялось о стенки. Но вот миновали лестницу. И прозрачный купол, который Эва не видела, но все равно ощущала. Неприятный. Словно ледяная стена. Но ничего, главное, связь с телом не разорвалась.

А ящик поставили.

Где?

Эва решилась выглянуть.

Комната.

Гостиная, вероятно. Похоже, так и есть, только странная какая-то… стены оклеены обоями в золотые розы. На полу – ковер, правда какой-то темный и в пятнах. Мебель… много и вся разная, будто собирали ее со всего дома. Светильники.

И свечи.

Кто зажигает свечи в наше прогрессивное время? Есть ведь газовые лампы!

Какие-то… покрывала. Вещи. На грязной каминной полке теснится выводок фарфоровых пастушек. За ними виднеется шкатулка в восточном стиле. И часы. Старые.

И дело не в вещах, дело в том, что слишком разные эти вещи и никак друг с другом не гармонируют.

– Показывай, – проскрипел кто-то.

И только теперь Эва увидела женщину. В черном одеянии. Вдова? Платье странное, мешком. И шаль на плечах. Тоже черная. Чепец прикрывает волосы. А вот лицо у женщины белое, мягкое. И черты приятные. Пожалуй, такую можно представить экономкою в приличном доме.

Двигалась она отчего-то боком, припадая на одну ногу.

Стефано взял какую-то железную штуку, которая с хрустом вошла под крышку. Эва замерла. Вот сейчас… сейчас… а если ее убьют?

Нет.

Надо успокоиться и мыслить здраво. Хотя бы попробовать.

Ее могли убить еще там, в лесу. Просто выкинуть. Закопать. Сделать все, что угодно. Зачем для этого в город тащить? В городе, если ты не потомственный некромант, куда сложнее от трупа избавиться.

– Она не издохла часом? – Женский голос оказался до того неприятным, что Эва поморщилась. Будто… будто с присвистом, будто дыра у нее в горле… будто…

– Живая, что ей станется. – К шее прижались пальцы. – Вот проспится, будет краше прежнего.

– Бледновата. Тощевата. И сисек нет.

– Зато благородная.

– От этого одна лишь головная боль, – поморщилась женщина. – Раздень.

– Чего?

– Мне прикажешь? Я товар видеть должна.

То, что произошло дальше, навсегда осталось в памяти Эвы как… как ужас ужасный. Иначе и не назовешь. Ее вытащили из ящика.

– Не на диван. Она ведь… вообще-то, дорогой, мог бы и позаботиться о товаре. В этом виде… – Женщина покачала головой.

Содрали платье.

И нижнюю рубашку. И Эва опять закричала. Громко-громко. Так, что собственный крик, отразившись от стен, оглушил ее.

Мигнули свечи.

Почти погас огонек в масляной лампе, которая коптила на столике. И женщина вдруг замерла.

– Она одаренная?

– Именно, Грета, именно. И сильная. Хорошая кровь. Причем невинна. На такую покупатель найдется быстро.

– И проблемы. – Женщина подняла руку, и, кажется, с некоторым трудом. А потом и вовсе стянула перчатку. Под мягкой кожей оказались серебряные металлические пальцы, скрепленные шарнирами. Конструкцию обвивали тонкие патрубки. Пальцы двигались.

Железные – и двигались.

– Идиот, – сказала женщина, пошевелив пальцами. – У девчонки наверняка родня имеется?

– Да. Но…

– Которая станет искать. Если уже не ищет.

– В этом состоянии не найдут, – проворчал Стефано. – Ты сама говорила, что «Мертвая вода»…

Пальцы сомкнулись на горле Стефано, движением столь быстрым, что Эва только и смогла – моргнуть.

– Как давно ты поишь девицу этой дрянью?

– Т-третьи… с-сутки… – просипел Стефано.

Или Эндрю?

Или… или ни одно из имен не является настоящим? Как понять? И надо ли понимать? Надо выбираться… надо звать на помощь? Как? И кого?

– Помнится, я тебе говорила, что это небезопасно. – Женщина не спешила разжимать руку. И смотрела в глаза Стефано. – Для них. Что не более двенадцати часов.

– Она дышит!

– И толку-то? «Мертвая вода» действует не только на тело, но и на разум. И как знать, очнется ли она вообще. А если очнется, то… кем?

Эва тихо охнула.

Неужели…

Она не хочет! Она не будет… не станет…

– Сотня. – Женщина разжала руку. – Золотых. И ты убираешься с глаз долой.

– Помилуй, Грета, – просипел Эндрю, потирая шею. – Это даже не смешно!

Сволочь. Просто сволочь. А сволочам имена не нужны. Лишнее они.

– Невинная девица из хорошей семьи, ко всему одаренная. Да не меньше двух тысяч!

Они что, торговаться будут?

– Во-первых, откуда мне знать, что и вправду невинная? Во-вторых, что с той невинности, когда у нее, может, мозгов не останется. Триста. И больше не проси.

– Она крепкая. Да и найдется у тебя клиент и на безмозглую. Ты ли не знаешь, что работать она будет вовсе не мозгами. Полторы и ни медяком меньше.

– Если будет. Одаренную так просто в дело не пустишь. Пятьсот.

– Ограничители? Полторы. Я же сказал.

– На них еще потратиться надо, да и сам понимаешь, достать непросто. Кроме того – девка бледная, невзрачная… на такую клиент не пойдет. Шесть сотен.

– Не смеши. У тебя и нет возможности ограничители достать? Да и на чистенькую-благородную… аукцион устроишь, и все отобьется. А то и вовсе… тебе ли не знать, что магам надо. Пусти слушок, что есть девица, сами прибегут. Тысяча двести.

Сошлись на тысяче, которую принесли в старом потертом кошельке. И Эндрю-Стефано, гад этакий, чтоб ему все посмертие икалось, пересчитывал деньги долго, муторно, едва ли не каждую монету на зуб пробуя. А потом ушел.

Он ушел. А Эва осталась.

И…

И что ей делать?

Женщина, все так же странно двигаясь, подошла к ней и наклонилась. Металлические пальцы раздвинули веки. Заглянув Эве в глаза, женщина вздохнула:

– Бедная девочка. – А потом вытащила свисток. Тонкий звук причинил боль. – Отнесите ее в подвал. Умойте. Оденьте. И да, вот еще что…

Из-под юбок появилась пара браслетов.

– Заодно за Вареном пошлите, пусть посмотрит…

Она… она же женщина!

Эта женщина, которая купила Эву, она ведь… женщины лучше мужчин! Они понимают. Сочувствуют. Особенно другим женщинам, оказавшимся в затруднительной ситуации.

И… и когда Эва придет в себя, она сможет договориться. Сможет ведь? У нее семья. И… и Эву любят! Отец. Маменька… они вернут долг! Тысяча – это ведь немного. Это… это ерунда! Маменька на наряды больше тратит.

А то и… можно предложить выкуп.

В романах иногда героинь крадут благородные разбойники, правда не из-за выкупа, а по любви или там из мести, но ведь можно и выкупом обойтись.

Благодарностью.
Отец…
Когда Эву подхватили на руки, она почти успокоилась. С женщиной она договорится. Обязательно.

Глава 5, в которой обстоятельства смущают

Отель «Три короны», безусловно, не шел ни в какое сравнение с забегаловками, в которых Эдди случалось бывать. Оттого он несколько робел.

А от робости и злился.

– Улыбайся, дорогой. – Вот матушка держалась так, будто полжизни провела не в разваливающемся поместье, а посреди этакой вот роскоши.

Ковры.

И не какие-то там циновки, которых не жаль, а натуральнейшие. Мягкие. Один, небось, на сотню золотом потянет, если не больше.

Дерево.

Полированное. Блестящее. А главное даже не это. Когда подъехали, Эдди еще подумал, не ошибся ли кучер, но матушке выбраться из коляски помог, руку подал и на красную дорожку, что пролегла по мраморным ступеням, препроводил.

А сам же силой воли заставил себя не пялиться.

Дом.

Здоровенный. Этажей в пять. Может, и во все шесть. С каменными колоннами, со львами у основания лестницы, с чашами, в которых цветы растут.

С балконами.

Балкончиками.

И прочими излишествами.

– Чем могу помочь? – Дорогу преградил человек в алом мундире с золотыми пуговицами. Был он высок, широкоплеч и глядел с чувством собственного превосходства. – Господа?

– Нумер нужен, – объявил Эдди.

Когда там, на летном поле, Чарли предложил поселиться у него, Эдди отказался. Оно ведь как? Чего в молодую семью лезть. А ведь полезть потянет, он с ходу почуял, что нелегко сестренке придется. И у нее характер. И у Эдди характер. С тех характеров мало ли чего натворить можно. А Чарли кивнул, будто и не ожидал иного, и сказал, что их в приличный отель отвезут.

Вот и отвезли.

В эту вот… с коврами на лестнице. Какой человек в здравом уме будет выстилать лестницу коврами? Рядом с тем, в красном костюме, встал другой, в костюме темном, который и вез их. Кучер, стало быть. И произнес что-то столь тихо, что даже Эдди со своим преотменным слухом не разобрал.

Дверь перед ними распахнули, хотя вот честно: Эдди куда охотнее бы убрался в местечко попроще, без ковров, каменных львов и прочей мутотени. Но нет, матушка мило улыбнулась и вошла.

А Эдди что?

Эдди матушку в подобном месте одну не оставит. Пришлось делать рожу из тех, что для приличного общества, кирпичом, значится, и за ней.

Ну, и провожатый тоже.

А там уже внутри и вовсе стало понятно, что привезти-то их привезли, да не туда. Ну… косятся. На него. На матушку. Большею частью, конечно, на него. И под взглядами неуютно. Вокруг-то публика приличная. Господа. Дамы, на фарфоровых куколок похожие. И главное, от этой окрестной красоты зубы ныть начинают.

Эдди сбежал бы.

Но…

Матушка кому-то кивнула, кому-то улыбнулась так, будто только вот недавно беседу беседовала или чаи распивала, как сие водится. Потом поглядела на Эдди с легкою укоризной. Сразу стало стыдно. Тоже мне… герой.

Зеркал испугался.

Хотя… зеркала тоже имелись. И в них отражался Эдди, весь, какой есть, с мрачною рожей, с выпирающей челюстью да бугристым черепом, в кожанке, пусть и чистой, но выглядела она так, будто Эдди в пыли вывалялся.

Только это не повод сбегать.

И котелок на затылок сполз.

– Не горбись, дорогой, – тихо сказала матушка, и Эдди послушно расправил плечи. Сразу как-то… не то чтобы полегчало. Скорее, если смотреть на благообразных джентльменов сверху, то не такими уж благообразными они и выглядят.

Вон тот волосья зачесывает гладенько, отчего донельзя похож на Скользкого Луи, который два года в розыске значился, пока не попался на передергивании картишек. Даже судить не стали, на месте вздернули. А вон у того лысина, клочками седых волос обрамленная. И красная.

Третий и вовсе чем-то на мэра смахивает. Прямо-таки родным кажется.

– Стало быть… люкс… зарезервирован лордом… – Очередной тип, на сей раз в темном костюме, что-то там еще говорил, то ли выяснял, то ли прояснял, не забывая косить левым глазом на Эдди. Матушка улыбалась и кивала; и вообще, держалась безмятежно.

А…

Хватит ли у них денег?

Нет, деньги-то есть. Но… вот тут… матушка уж больно неправильно выглядит. Ей бы не нынешнее строгое платье, почти что вдовье, но все одно бедноватое, а вот чего-то бы этакого, вывернутого. Как у той дамы… или вон у той. Розовенькое. Веселый цвет. Радостный.

Или полосатое.

А лучше, чтобы и то и другое. И… Эдди, может, и не случалось бывать в подобных отелях, но он шкурой чуял, что удовольствие это не из дешевых. Да и гардероб менять женский – не коню подковы сладить. А стало быть, деньги, которых вроде как много, могут и закончиться.

И… что тогда делать?

Что ему вообще здесь делать?

– Идем. – Матушка слегка оперлась на его руку. – И расскажешь мне о тех ужасах, которые пришли в твою большую голову.

На кого другого Эдди бы обиделся. Может, даже и в морду бы дал. Но это матушка. Только и смог, что улыбнуться и спросить:

– А мебель у них крепкая?

– Понятия не имею. – Матушка умела улыбаться столь лучезарно, что как-то сразу хотелось верить. Причем неважно, во что. – Но их предупреждали. Так что это не наша проблема… и не хмурься, дорогой. Люди не настолько страшны, как тебе кажутся.

Эдди постарался.

Честно.

И только мрачно вперился в спину пареньку с тележкою. На тележке громоздились их чемоданы, но повезли ее куда-то в сторону.

– Там черная лестница, – поспешил объяснить очередной человек в красной форме. И ведь из-под земли выскакивают, никаких нервов не хватит. – Ваш багаж будет ждать вас в ваших покоях… прошу.

И на лестницу указал.

С ковром.

Снова. Откуда у них столько-то?

Ну… лестница была каменною, ковер мягким, и отпечатывались сапоги в нем отличнейшим образом. Благо идти пришлось недалеко.

– Прекрасные, не побоюсь этого слова, великолепные номера… с видом на канал, но без всяких неудобств от подобного соседства, если вы понимаете.

– Нет, – честно ответил Эдди. Он и вправду не понимал, какое неудобство может возникнуть от соседства с каналом.

– Воздух! – Парень, а Эдди понял, что коридорный очень молод, закатил очи. – Мы озаботились приобретением самых современных фильтров. А потому, даже при открытых окнах, чего, конечно, лучше не делать, вы не подвергнетесь ужасающему испытанию вонью.

Охренеть.

Но Эдди кивнул, надеясь, что не выглядит слишком уж провинциальным. Хотя, конечно, чего уж там. Выглядит.

Ну и плевать.

– Добро пожаловать, мэм. – Паренек распахнул дверь и поклонился, при этом руку протянув. А в нее монетка легла. Это… это за что матушка ему? За то, что до комнат провел? – Прошу. Люкс с отдельной спальней, двумя гостиными, ванной комнатой и, конечно же, гардеробной.

Он провел матушку по комнатам, которые заставили Эдди остро ощутить собственную несостоятельность.

Матушка заслуживает таких покоев.

Только таких и заслуживает, но… но дал их не Эдди. И как быть?

– Дорогой? – спросила матушка, когда провожатый таки убрался, смерив Эдди напоследок недобрым взглядом. – Что-то не так?

– Все не так. – Он осторожно опустился на креслице, составленное из каких-то гнутых веток. Не отпускало ощущение, что эти ветки захрустят и хрупкое сооружение рассыплется. – Мне здесь не нравится.

– А мне кажется, довольно мило.

Матушка сняла перчатки и поморщилась.

– Руками надо будет заняться… Дорогой, мне нужно, чтобы ты доставил письмо.

– Хорошо.

– Даже не спросишь, кому?

– Ну… а толку-то? – Эдди поскреб макушку. – Я тут все одно никого не знаю. Да и…

Письмо можно отправить почтой. Или вон свистнуть мальчишку, правда, местные будут в форме и могут не захотеть возиться с чужими письмами.

– Мне давно стоило поговорить с тобой. – Матушка опустилась в другое кресло. И провела пальцами по столу. – Или остаться дома… но ты бы не оставил меня там одну.

– Нет. – Начало Эдди не понравилось.

Еще сильнее, чем не нравилось это место.

Сразу и шея зачесалась, предчувствуя грядущие неприятности.

– И Милли тоже бросать неправильно. Она очень порывистая девочка. Ей нелегко придется. И… я не уверена, что все выйдет.

– Матушка?

– Матушка. – Она грустно улыбнулась. – Знаешь… когда я впервые тебя увидела, то пришла в ужас.

– Ну… – Эдди подумал и согласился, что было от чего. Хотя обидно. Немного. Детская такая обида, глупая.

– У меня была странная жизнь. Но ты и Милли – стоили всего, что случилось. – Она моргнула и отвернулась. – Если бы мы остались, я… пожалуй, молчала бы и дальше. Там это знание только лишнее. Но раз получилось как получилось… меня увидят.

– Кто?

– Кто-нибудь. Времени прошло много, да и я сильно изменилась, но, боюсь, не настолько, чтобы надеяться, что этого хватит. Так что… увидят. Узнают. А там… моя семья. – И столько тоски прозвучало в голосе матушки, что рука сама к револьверу потянулась.

Эва открыла глаза. И несколько раз моргнула, пытаясь как-то избавиться от мутной пелены, что окружала ее. Пелена не исчезала, напротив, стало только хуже.

Глаза болели.

И лицо.

И зубы, отчего-то особенно сильно. Она даже потрогала их пальцами. Пальцы, правда, тоже болели.

Что за…

Она в какой-то момент исчезла, та часть, которая смотрит со стороны. И видит. Из-за зелья? Или комнаты этой?

Комната?

Небольшая. Тесная. В нее и влез-то лишь топчан, на который сверху бросили соломенный матрас. А уж на матрас – Эву. И одеялом прикрыли. Одеяло пованивало, как и все остальное.

Серые стены.

Какие-то неровные, ободранные. И оконце где-то под самым потолком. Узенькое. В него и кошка не протиснется, не говоря уж про человека. Да и высоко. Не добраться.

Эва помотала головой.

Взгляд прояснялся. И вот уже она заметила кувшин рядом с топчаном. И миску. Умыться? Надо, наверное. Ее… мыли. Да. И одели. Она пощупала жесткую ткань рубахи.

На помощь позвать?

Или…

Додумать Эве не позволили. С тихим скрипом приотворилась дверь, пропуская молодую женщину с изуродованным лицом. Левая его часть была прекрасна, а вот правая представляла собой месиво из рубцов и язв.

– Живая? – осипшим голосом осведомилась вошедшая. – Че пялишься?

– Ничего. Извините.

– То-то же… а то от! – Эве под нос сунули кулак. – Вздумаешь дурить, не погляжу, что матушка велела, так отколошматю, живенько поймешь, кто тут старший!

– Кто? – покорно поинтересовалась Эва. Она старалась не смотреть на дверь, которая казалась обманчиво близкой.

– Я!

– Как тебя зовут?

– Кэти. – Женщина прищурилась. – А ты че расселась? Мойся давай. Туточки прислуги нету!

– Я… просто нехорошо себя чувствую еще. Голова очень болит. – Эва старалась говорить тем плаксивым тоном, который всегда раздражал маменьку, зато на нянюшку действовал безотказно. – Дурно…

– Блевать ежели вздумаешь, то не на себя. Вона, ведро есть! – И указала на ведро, которое и вправду притаилось в углу комнаты. Ведро было жутким с виду, каким-то кривым, мятым и то ли закопченным, то ли заросшим грязью до черноты. И, глянув, как передернуло Эву, Кэти ухмыльнулась. – Привыкай, подруга.

Ну уж нет!

Когда дверь закрылась, Эва встала.

Попробовала встать, по крайней мере. Получилось у нее далеко не сразу. Тело мучила слабость. И ее действительно вырвало желтой желчью. Благо ведро стояло неподалеку. Что-то подсказывало, что Кэти не побежит менять испачканную одежду, не говоря уж о матрасе.

Эва закрыла глаза.

Думать.

Надо думать. Только… о чем? О том, что она совершила ту самую Огромную Непоправимую Глупость, о которой ее предупреждали едва ли не с рождения? А она решила, что это не глупость, а любовь?

Нет уж…

Надо…

Надо что-то сделать. Призвать Силу? Эва поглядела на ограничители. Те не причиняли боли, да и вовсе не ощущались. Правильно, ведь ее Сила направлена не вовне, как у нормальных магов, а…

А дальше?

Снова отделиться от тела?

Во-первых, это опасно, тем более когда она только вернулась. Во-вторых, ограничители все-таки имеются. Как знать, не повлияют ли они. Будет совсем грустно, если с ней случится то же, что и… Нет, даже не думать!

В-третьих… в-третьих, а смысл?

Вот отделится она от тела. И… и что дальше?

Эва вздохнула и кое-как отерла лицо водой, которая нашлась в кувшине. Пить хотелось неимоверно, но пахло от воды болотом, и Эва решила потерпеть.

Должны же ей объяснить, что происходит.

Ждать пришлось довольно долго. Она и замерзнуть успела, в комнатушке было сыро, а от стен тянуло холодом. Но вот снова скрипнула дверь, и на пороге появилась та самая женщина, которая торговалась со Стефано. Она вошла, вновь же двигаясь как-то боком, несуразно. Остановившись, женщина оглядела Эву и кивнула.

– Не плачешь. Хорошо.

Эва шмыгнула носом и поднялась. Неудобно говорить сидя, когда перед тобой стоят.

– Глядишь, и вправду толк будет.

А платье на хозяйке не из дешевых. Тяжелый атлас того богатого насыщенного оттенка, который выдает хорошую красильную мануфактуру. И шито по фигуре. И рукава не светлее подола[1].

– К-кто вы? – решилась Эва. – И где Стефано?

Может, в домашних спектаклях ей доставались не самые лучшие роли, ибо Эва никогда не отличалась актерским талантом, но вот женщина, похоже, поверила.

– Он уехал.

– К-куда?

– Далеко, девонька. Идем. Лучше поговорим в другом месте. Кэти, дай ей халат.

Халат был чужим. От него пахло плесенью и еще самую малость – лавандой. И на некогда богатой ткани появились проплешины, а локоть и вовсе прикрывала латка. Но Эва слишком замерзла, чтобы отказаться. Да и… как знать, кого они встретят? Не хватало еще, чтобы ее увидели в нижней рубахе.

– Не дури, – прошипела Кэти и почему-то ущипнула.

Больно.

---

[1] Одежда, особенно платья из качественных тканей, была вещью очень дорогой. Ее передавали по наследству, дарили. Но ткани вроде шелка и бархата нуждались в специальном уходе, их нельзя было просто постирать. Поэтому бедные девушки часто отпарывали и стирали лишь рукава, как наиболее загрязненные части одежды. Со временем рукава становились светлее основной ткани, что было признаком бедности.

– Кэти. – Женщина покачала головой. – Иди, пускай нам чаю подадут. И бульона.

– Ей?!

– Кэти!

Кэти пробормотала что-то неразборчивое.

– Хорошая девочка. Жаль, не повезло… такая красавица была. – Женщина указала на дверь. – Иди.

– Но…

– Дорогу покажут. Альфредо!

Альфредо оказался одним из тех мрачных типов, которые втащили ящик с Эвой. Огромный какой! И кулаки… у старого Джонни похожие. Он еще на спор тыквы бил. Кулаком как ударит, тыква и раскалывалась. Всем было весело.

И Эве тоже.

Пока маменька не узнала.

Приличная юная леди не будет участвовать в подобного рода сомнительных развлечениях. Даже зрителем.

– Покажи девоньке, куда идти. А ты ведь умненькая… умнее, чем иные. Вона, не требуешь отпустить…

Будто это поможет, если Эва чего-то там потребует.

– И бегать смысла нет. Догонят. Хуже будет.

Куда уж хуже.

Но Эва сдержалась.

Она шла, стараясь помнить и об осанке, и о том, что леди – это леди, невзирая на обстоятельства. И… и вообще, не упасть бы. Слабость то и дело накатывала. Один раз ей вовсе пришлось остановиться. И Альфредо повернулся, уставился выпуклыми полупрозрачными глазами.

– Просто… п-плохо, – заикаясь, сказала Эва. – Сейчас п-пройдет.

Альфредо кивнул.

А потом вдруг подхватил Эву на руки. И она замерла от ужаса. Но нет. Альфредо, также не произнося ни звука, продолжил путь.

Куда ее…

Что с ней вообще будет? И неужели никто-никто не поможет? Не придет, не…

Ее молча уронили в глубокое кресло. А во втором уже сидела та женщина с механической рукой. Правда, сейчас руку скрывала перчатка, но Эва ведь знала. И не могла заставить себя отвести взгляд.

– Пей, – велела женщина, когда перед Эвой поставили высокую чашу с бульоном. – Тебе нужны будут силы. Не спеши. Глоток. Потом ждешь. Если не чувствуешь спазмов, делаешь следующий. Ясно?

– Д-да.

– И не трясись. Будешь послушной девочкой, ничего с тобой не случится.

Как будто с ней уже не случилось. Но Эва вновь кивнула. Она будет. И постарается. И… и дрожащими руками она подняла чашу и сделала глоток. Бульон был теплым, наваристым и жирным настолько, что Эва едва удержалась, чтобы не выплюнуть.

Нет уж.

Женщина, кем бы она ни была, права. Эве понадобятся силы. А значит, она должна выпить. В конце концов, те отвары, которые варила маменька, надеясь добавить Эве красоты, на вкус были еще хуже.

И пользы в отличие от бульона в них никакой.

Во всяком случае ни кожа белее не стала, ни Эва стройнее.

– Можешь называть меня Матушкой Гри или просто Матушкой. – Женщина смотрела, как Эва пьет. И по ее лицу нельзя было понять, что она думает. – Теперь ты принадлежишь мне.

Как? Разве может человек принадлежать кому-то…

– Тот, кого ты знала… к слову, как он назвался?

– Стефано, – ответила Эва.

– Стефано… надо же, выдумщик какой. Так вот, он тебя продал.

– Но…

– Да, это незаконно, – согласилась женщина. – Однако здесь, девонька, свои законы. И теперь ты принадлежишь мне. До тех пор, пока не отработаешь долг.

– Сколько?

– Вот и умница. – Матушка Гри улыбнулась, отчего ее некрасивое лицо сделалось вовсе страшным. – Ни слез, ни капризов… все-таки воспитанная барышня – это плюс. Три тысячи.

Сколько?

Эва ведь слышала… стоп. Нельзя показывать, что она слышала. И вообще свои способности. А потому она сделала очередной глоток. Бульон стоило допить, пока он окончательно не остыл.

– И еще пятьсот в месяц за услуги.

– К-какие?

– Одежда. Комната. Еда.

Вот за ту конуру и пятьсот? Да… да они за особняк на побережье столько не платили, который снимали все лето!

– Целитель, которого пришлось позвать, ибо ты была далеко не в самом лучшем состоянии. Он сумел сохранить твой разум…

Ложь.

Нет, целителя Эва не видела, но целитель бы понял, кто перед ним. И не рискнул бы связываться.

– Моя семья… заплатит.

– Уверена, детка?

– Да, – решительно ответила Эва. – Она заплатит и втрое больше. И вчетверо.

Улыбка Матушки Гри стала еще шире.

– Видишь, как хорошо все складывается…

Глава 6, где речь заходит о родовых тайнах и прошлом, пусть и не совсем отдаленном

Матушка не спешила говорить, а Эдди не торопил. Вот что он усвоил к своим годам немалым, так это то, что спешка к добру не приводит.

А позолота-то в нумере местами поистерлась. Незаметненько, в уголках самых, но все же. Да и гардины цвет имеют неоднородный, но тоже не сказать, чтобы пятнами пошли. Нет, слегка выгорели.

Самую малость.

Отчего-то данное обстоятельство несколько примирило Эдди с действительностью.

– Видишь ли, дорогой… – Вздохнув, матушка все же решилась.

– Если не хочешь…

– Не хочу. Но надо. В конце концов, я и без того слишком долго пряталась. И… пожалуй, если бы речь шла лишь обо мне, но Милисента. И ты… – Она встала и подошла к окну.

Окна, надо сказать, были изрядными.

В пол.

И с белоснежными переплетами, укрепленными магией. Оттого и не тянуло сквозь них сквозняком. Да и сами стекла отличались той прозрачностью, которой обычным способом не достигнуть. А выходили они на улицу. Узкую. Серую.

Да и сам этот город был серым.

Серые дома тянулись ввысь. По серым мостовым гуляли серые люди, махонькие, что игрушки. Пара серых лошадей тащила уродливого вида повозку, та и шла-то по рельсам.

– Я уже забыла, как здесь… красиво.

– Красиво?!

Вот уж чего Эдди тут не видел, так это красоты. Но матушка снисходительно улыбнулась.

– У каждого свой взгляд. А мне… мне этого не хватало.

Города?

Или роскоши, к которой она привыкла? Эдди не дурак. Эдди понимает, даже без слов. Возьми кого другого, ту же Милли, она вон дичится. И держится с видом прегордым, но взгляда хватит, чтобы понять, сколь неудобно ей в этаком окружении.

А матушка?

– Что ж… все же… ты знаешь, что когда-то я сбежала из дому, чтобы быть рядом с твоим отцом.

Эдди знал.

Правда, до сих пор понять не мог, чем же эта скотина такое счастье заслужила. Ну да ему ли матушку судить?

– Я была молодой. И романтичной. И жила… скажем так, меня воспитывали очень строго, и временами мне казалось, что я и дышать-то без разрешения не могу. А тут он. И его рассказы. Запад, где все свободны, нет ни обязательств, ни правил, ни удушающего этикета. Где настоящая жизнь.

Она умела улыбаться грустно и задумчиво, так, что Эдди почти увидел ту, давно пропавшую девушку, которая поверила в сказку.

Не она первая.

Не она последняя.

– Моя семья… ничего не знала. – Тонкие руки стиснули платок. – Если бы кто-то заподозрил… твой отец не был человеком моего круга. И близко не был. Мы… мы познакомились случайно. Благодаря моей подруге. Единственной, пожалуй, которая как-то меня понимала.

Она тоже происходила из достойного рода, что, собственно говоря, и сделало возможной нашу дружбу. Родители ее одобрили. Я просто приняла. Да и Элоиза оказалась удивительным человеком. Легкой, мечтательной и в то же время очень и очень умной.

Эдди хмыкнул.

– Мне так казалось. Полагаю, на деле мы обе были довольно глупыми и весьма восторженными девицами. Но благодаря Элоизе я получила относительную свободу. Мне разрешали посещать ее. Более того, мне было дозволено даже провести месяц в ее поместье.

– Там ты и…

– Там. И тогда. Семнадцать лет… мне уже искали жениха, и… и думаю, даже нашли, хотя я заранее его ненавидела, ведь замужество означало лишь, что одна тюрьма сменилась бы другой. Изначально речи о любви не шло. Я была товаром, а брак – сделкой. Этого не скрывали. Мне постоянно говорили о долге, о чести и прочем…

– И…

– Я воспользовалась первой же возможностью, чтобы сбежать. Нет, не сразу… сперва встречи. Тайные. Элоиза включилась в эту игру с огромной охотой. Ее тоже не радовала перспектива брака без любви. Потом… я его тоже обманула. Так уж вышло, что… я не назвала своего настоящего имени. Представилась одним из многих.

– Многих?

– У меня их двенадцать.

– А… теперь понятно.

– Что?

– Ну, откуда у Милисенты столько. Но непонятно, зачем.

– Родовой обычай. Но да, ты прав. Совершенно непонятно, зачем… мне кажется, он любил меня.

– Отец?

– Да. Иначе… понимаешь, я призналась ему. Незадолго до побега. И будь я просто богатой наследницей, мы бы сбежали, обвенчались и вернулись. Так делают иногда. Родители, конечно, злятся, но что они могут сделать? Особенно если брак уже заключен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.